

Воспоминания об Академии

(1910–1915)

Продолжение. Начало в № 2 (5), 3 (6) за 1997 и 1 (7) за 1998 г.

1913–1914 УЧЕБНЫЙ ГОД

В Академии есть перемены. Новый инспектор — архимандрит Иларион (Троицкий). На место помощника инспектора, иеромонаха Николая, назначен только что окончивший Академию иеромонах Иоасаф (Шишковский), впоследствии, в первые годы революции — епископ Кашинский. Кроме них увидели еще двух новых монахов, студентов Академии Олейникова и Сапожникова, постриженных на летних каникулах.

Приехали и разом окунулись в привычную “институтскую” обстановку. Лекции, обед, ужин, прогулка по Вифанке, навещаем старых добрых знакомых, вечером — легкое чтение и изучение ... инспекторских приказов:

“Впредь, до особых объявлений, студентам ходить в Трапезную церковь Сергиевой Лавры. Вставать на правой стороне в стройные ряды и по курсам, в порядке: 1, 2, 3, 4-й;”

“Быть студентам на молебне перед началом учебного года в Троицком соборе 9 сентября 1913 года.”

И 7 сентября субинспектор иеромонах Иоасаф уже разыскивал отсутствовавших за всенощной по студенческим номерам. Из нашего номера в церкви не были: я, Покровский, Голубцов. Куханов ушел из церкви прежде времени и получил замечание. Я — за нехождение в церковь — имел замечание несколько позже.

Исчез из Академии знаменитый Алмазов, на его место заступил юноша Александр Васильевич Ремезов, только что окончивший Академию, из так называемых “братчиков”, но парень добрый, и ничего против него не скажешь. “Братчики” — это студенты, составившие добровольное общество религиозной пропаганды. Они вели церковно-общественную деятельность, выражавшуюся, главным образом, в произнесении проповедей в академической церкви и в церквях Сергиева Посада.

Появился и ряд других новых профессоров, таких же юных и по возрасту, и в науке.

15 сентября инспектором вывешено объявление-приказ, в котором он просит студентов I курса не брать примера со студентов старших курсов и не делать от-

ПРОФЕССОРА

ступлений от установленной формы одежды для студентов Академии. Старших студентов просит "по крайней мере" не надевать одежду зеленого цвета в официальных случаях. "Все уклонения от нормы будут рассматриваться как проступок против дисциплины".

17 сентября. Во время молитвы, после ужина, студенты почему-то рассмеялись. Что послужило поводом к смеху, — не помню. Смех во время молитвы неуместен. Это понятно каждому, но случилось так, что бородатые дети фыркнули, и Сомов (помощник инспектора) тут же вслух сделал общее замечание: "Молитву не смеются, а поют!" Помнится, подобный случай был со мной, когда я учился в первом классе семинарии и за обедней рассмеялся, но тогда субинспектор, стоявший за обедней недалеко от меня, после Литургии подошел ко мне и сказал: "Учитесь самообладанию." А в Академии — тут же всем и при всех: "Не смей смеяться!" <...>

25 сентября — торжественный и праздничный день Сергиева Посада. Торжественный перезвон 100 колоколов лаврской колокольни. Праздничный день и в Академии, и не менее торжественная, чем в Лавре, служба. У меня в гостях сестра Мария, Елена Егоровна Зверева с двумя младшими своими сыновьями. С разрешения инспектора все обедали у меня в номере. Меню: заливная рыба с хреном, пирог с капустой, уха из свежего судака, жареная белуга с огурцами, арбуз.

Священно-Вася

У инспектора, архимандрита Илариона, был келейник. Говорят, что его родственник, привезенный им из Тульской губернии, с его родины. Звали его Василий, по фамилии Федулов, молодой человек... Других биографических сведений мы о нем не имеем. У отца Илариона Вася был и эконом, и служба, и друг, и наперсник. Вася убирал комнаты своего учителя, производил закупки, бегал на академическую кухню за обедом, убирал посуду и т. д.

Характера Вася был весьма подвижного, любил пошучить и посплетничать. Общительность Васи скоро позволила ему завести знакомства со студентами, но так как он был человек малограмотный, то все его знакомство и ограничивалось одними пересмешками и сообщением кое-каких сплетен из гостиной инспектора. Но эти свои "новости" Вася доверял далеко не всем, а наиболее близким ему знакомым; среди них не были отвергнуты и поклонники Бахуса. Вася любил выпить, но так как он очень боялся "атца Илариона", как он называл своего патрона, то это последнее он делал с большими предосторожностями. Студенты знали, что Вася ведет хозяйство у инспектора, знали и то, что у него можно было призанять деньжонок, а иногда особо доверительным лицам Вася наливал чашечку водки, которая у отца Илариона всегда была, хотя сам он не пил никогда и ничего. Добрый по натуре, Вася не мог отказать просившему приятелю, и, если обстановка позволяла ему сотворить "доброе дело", в просьбе студенту он не отказывал. При этом он очень любил, чтобы его приглашали в компанию, которая случится у его "приятелей". Однажды Вася из-за любителей выпивок попал в весьма неудобное положение перед отцом инспектором, и тот с тех пор водочные дела взял на особый учет, а Вася стал более осмотрителен и осторожен.

Все профессора, с которыми мы встретились в аудитории в этом году, были молодые, новички в науке, только что закончившие обучение в Академии: Протасов, иеромонах Варфоломей, Ремезов, иеромонах Пантелеимон. Из этой плеяды, пожалуй, один только Протасов был с будущим.

Иеромонах Варфоломей — профессор по кафедре Ветхого Завета.

На первой лекции Варфоломея присутствовал Преосвященный ректор. Студенты Варфоломея слушали. Когда же закончилась лекция и новоиспеченный профессор вышел из аудитории, слушатели проводили его улыбаками до входной двери. В дальнейшем круг слушателей Варфоломея определился сам собою: клобуконосцы, а из "зеленых брюк", по обязанности — дежурные и те, кому надо было согласно учебному плану кафедры.

11 сентября. Варфоломей защищал своего "Аввакума", магистерскую диссертацию на соискание ученой степени. На диспуте его особенно донимал профессор по кафедре еврейского языка Е.А. Воронцов. "Ходишь, — говорил он, — немецкими дорожками — похвально, немцы народ почтенный, но ... нужно бы сначала изучить еврейский и латинский языки, а с ними вместе и эпоху, в которую жил пророк Аввакум ..." С.И. Смирнов, а затем А.П. Шостын (почему-то!) диспут покинули, не дождавшись его окончания.

Рецензенты резюмировали свою дискуссию так: "Степени магистра богословия заслуживает, но только при условии, что отец Варфоломей будет еще работать в этом направлении и его "Пророк Аввакум" будет не последним".

Ремезов Александр Васильевич — кафедра истории и обличения русского сектанства.

По виду совсем юноша, немного экзальтированный, он не мнил из себя "профессора". Держался с нами — как обычно держатся старшие студенты, более умудренные академической мудростью, в отношении к младшим. Он не кичился и не был заносчив. Говорил красиво, но без эффектаций, и это подкупало. А так как он и сам себя чувствовал "неожиданно для него преобразенным", то вел себя на кафедре, как старший товарищ. Погиб он в первую империалистическую войну, во Франции.

Иеромонах Пантелеимон (Успенский) — профессор по кафедре патологии.

Пантелеимон, как лектор, не блистал ни словом, ни содержанием. Скромный и тихий от природы, он не кичился тем, что профессор, и смиренно нес тяготы монашеского послушания и своего профессорствования. Восшед на кафедру, отец Пантелеимон спокойно вынимал свои тетради из глубокого кармана монашеской одежды и, размеренно читая, излагал нам святоотеческие творения. Он, как и сам говорил, только еще излагает учения отцов Церкви и делает нам пересказ творений.

Архимандрит Иларион (Троицкий) — кафедра Нового Завета.

Вот это была вполне законченная личность. Вождь академических монахов и монашествующей братии, из которых весьма и весьма многие умильно поглядывали на ученого монаха, архимандрита и отца инспектора Академии. Обладая огромнейшей памятью, а отсюда и эрудицией, он в своих умозаключениях был смел и напорист, ломая все и всякие авторитеты, если они не входили в рамки его собственного мировоззрения.

О его полемических приемах М.М. Тареев, профессор нравственного богословия, так говорил: "Для его полемических задач выгодно представлять дело так, что всякая теория христианства неизбежно ведет к толстовщине и сектантству, но такое упрощение вопроса не лучше толстовской нетовщины и не выше приемов старообрядческого начетничества. Для христианской философии, для постижения христианства в его собственной сущности требуется мышление потоньше и поглубже, чем для апологии Церкви от внешних приражений"¹.

В этой характеристике обрисован весь о. Иларион. Он на первой же лекции бросил лозунг: "Академия для монахов!" — и как инспектор Академии объявил поход против вольномыслящих — и профессоров, и студентов. Лозунг ректора Феодора "Дело не в уставе, а в составе", брошенный им в сторону профессоров, Иларионом был целиком перенесен на студенческую среду. Свое инспекторство он рассматривал как часть практическую от Священного Писания Нового Завета.

Туберовский Александр Михайлович (Догматическое богословие) и **Алмазов Александр Иванович** (Церковное право) — люди, совершенно новые для нас, начали свои лекции в 20-х числах января. Мы их не знали. Туберовский — мистик. Алмазов, профессор Московского университета, принес в нашу аудиторию непривычную нам веселость изложения.

Виноградов Василий Петрович — кафедра гомилетики (церковное искусство проповеди). Василий Петрович — это тоже светлая личность среди наставников III курса. Большой почитатель М.М. Тареева, Василий Петрович требовал от проповедника прежде всего искренности, его личной веры и убежденности. — "Не заботься о том, чтобы было только блестяще прочитано, думай о том, что проповедуешь". У нас же обычно бывает так: списал, прочитал и слава Богу! Чего же еще — назидательно, спасительно и учительное! Василий Петрович требовал вдумчивого изложения религиозного опыта, убежденности. "А как делаются у нас проповеди, — говорил Василий Петрович, — в частности, вами, студентами: списал у какого-нибудь святого отца Церкви и думает: "Пусть-ка Виноградов поставит святому отцу три с плюсом!?"

Монашествующая братия не любила Василия Петровича за его "модернизм", за его насмешливое отношение к схоластике и официальной церковности. Особенно много неприятностей они доставили ему, когда Василий Петрович подал свою магистерскую диссертацию. Главным оппонентом был назначен его идейный противник Гумилевский, бывший преподаватель гомилетики в Московской Семинарии. Вторым — С.И. Соболевский, который заявил, что если Гумилевский согласится на присуждение Виноградову степени магистра богословия, то он возражать не будет.

Передавая свои "Уставные чтения" С.И. Соболевскому, Василий Петрович шутя говорил:

— Боюсь, Сергей Иванович, греческого языка — ошибок много...

— Что ж ошибки, — отвечал Соболевский, — поимем чего-нибудь посущественнее.

23 сентября состоялся диспут В.П. Виноградова. Советом Академии ученая степень Василию Петровичу была присуждена после долгих споров и настояний "инакомыслящих" профессоров.

ЭКЗАМЕНЫ

С 20 марта начались экзамены. Набираемся сил и усиленно готовимся к ответам.

25 апреля состоялся первый экзамен по Священному Писанию Нового Завета. Получил у Илариона балл 3.

Следующий экзамен по патрологии. Около стола стоял 35 минут. Получил 4 с половиной балла.

Не обходится дело и без инцидентов. На II курсе Поль (Павел Петрович) Соколов не допустил до экзаменов 10 человек за несдачу практических работ. Иларион Мещерскому, в сане диакона, за молчание у стола поставил 4 с половиной балла; С.И. Смирнов на II курсе принес и положил на стол свои программы "во избежание недоразумений" и одному студенту посоветовал экзамен пересдать.

Почему Сергей Иванович принес свои программы? Ведь у нас у каждого имелись на руках свои, отпечатанные в типографии программы? А ларчик просто открывался. Программы мы подписывали или, как говорили, подковывали. Приходит к Георгиевскому Ф. Вознесенский и спрашивает книгу для подготовки к экзамену: "Скоро кончишь ковать?"

А "ковали" добросовестно! Некоторые попадались с "подкованными" программами. Вот Сергей Иванович "во избежание недоразумений" и принес свои, чистенькие.

5 мая — литургия. Перед выходом к столу развернул программу и прочитал первый попавшийся билет под номером 23. Вышел к столу, вытащил 23 билет, получил 4 с половиной балла.

10 мая — экзамен по Ветхому Завету у Варфоломея. Один из студентов в одно из своих посещений ректора пожаловался, что Варфоломей дал к экзаменам очень большой материал, на что ректор ответил: "Что же? Он хочет вас сделать такими же учеными, как и он сам". Нечто подобное в ироническом тоне сказал ректор на экзамене и в адрес ученика. Варфоломей на экзамене почти каждому студенту предлагал вопрос: какой труд имеется у такого-то ветхозаветного пророка на русском языке (конечно, если отвечающий "вытащил пророка"). Никольский Николай отвечал о пророке Захарии. Ответ закончен, тогда экзаменатор задает вопрос:

— Какой труд о пророке Захарии знаете на русском языке?

— Рождественского отца Димитрия, — отвечает Никольский.

А отец Димитрий сидит тут же за экзаменационным столом, член комиссии. Эти вопросы или надоели ректору, или ради иронии, когда один из студентов повествовал о пророке Аввакуме, он, улыбаясь, спросил:

— А кто написал ученое экзегетическое исследование на книгу пророка Аввакума?

— ?! Отец Варфоломей, — последовал ответ.

И все весело улыбались: и профессора, и аудитория. Догматическое богословие изучил к экзамену сполна. Взял 17 билет, получил 4 с половиной балла.

Я на четвертом, последнем курсе Академии!

(Продолжение следует)

¹ Тареев. М.М. Философия жизни. Сергиев Посад, 1916. С. 265.